

Фестюжьер пренебрегает также интереснейшим предостережением Чаленко: «Единство монастырской архитектуры не должно заслонять весьма вероятного различия в уставе и в образе жизни общин VI в. — различия, которое объяснило бы, что одни из них имели коллективное жилье, а другие не имели. Несомненно, существовало, например, различие между православными и монофизитскими монастырями; между монастырями для лиц, говоривших на греческом языке, и монастырями сирийцев; между обычными монастырями и монастырями паломническими, монастырями для затворников, столпников»⁵⁵. Этот абзац не мог быть допущен в книгу Фестюжьера, вообще предпочитающего умалчивать о ересьях.

Хочется добавить, что монастырские здания с портиками, как и аналогичные, хотя и меньшие, здания в составе поселений вилловых комплексов, настолько мало дифференцированы в своем устройстве, что характер их эксплуатации мог легко быть изменен почти без переделок (такая перемена, в частности, могла быть связана с прокладкой новой дороги, повлиявшей на характер производства, на число паломников и т. д.).

При современном состоянии археологического изучения Северной Сирии, в частности изучения монастырских зданий и владений, категорически решать вопрос об образе жизни общин до сих пор еще затруднительно. Если же отвлекаться от наличия и конкретного характера их трудовой деятельности, от эксплуатации труда рабов и колонов, от размера владений и огромных монастырских богатств, и даже от культовой дифференциации, как это делает Фестюжьер, то научное решение вопроса станет вообще невозможным.

Судя по текстам, приводимым Дьяконовым⁵⁶ и Левченко⁵⁷, а также по ряду соображений Чаленко, в монастырях чаще всего должны были сочетаться или сменяться различные формы общежития. Никаким искажением точки зрения Чаленко нельзя поставить под сомнение правильность сведений, которые дают нам чертежи, литографии, фото и аэрофотосъемки, опубликованные в течение последних ста лет Вогюэ, Батлером, Маттерном, Лассю и Чаленко и создающие картину великолепных монастырских построек в благоустроенных огромных доменах. С этим совершенно конкретным фактом никак не вяжется та картина отшельнической, подвижнической жизни в с е х монахов, которую Фестюжьер хочет вычитать у Феодорита и в житиях Симеона. Даже подобранные самим Фестюжьером тексты говорят, скорее всего, об отшельничестве, подвижничестве отдельных лиц за счет совместной жизни (и работы?) остальной братии.

Вместе с Чаленко Фестюжьер вынужден признать, что большие здания с портиками служили одновременно и трапезной (стр. 322), и местом собраний, и местом трудовой деятельности братии (стр. 327). Весь вопрос сводится у него к тому, где и как монахи проводили ночь — в одиночестве или в общей спальне? Для решения этого частного вопроса не стоило прибегать к тенденциозному цитированию и искажению передовой концепции Чаленко. Подобное обращение с литературой представляет метод Фестюжьера в весьма невыгодном свете и ставит под вопрос точность использования письменных источников.

С. А. Кауфман

⁵⁵ G. Tschalenko. Op. cit., vol. I, p. 166—167.

⁵⁶ См. прим. 32.

⁵⁷ М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-римской империи. ВВ, II. 1949, стр. 11 сл., особенно стр. 20.